

ПРАВОСЛАВНАЯ ГАЗЕТА

Мироносицкий Вестник

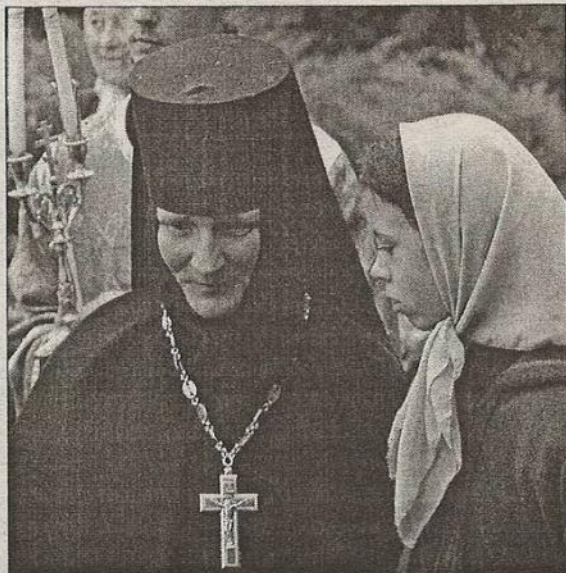
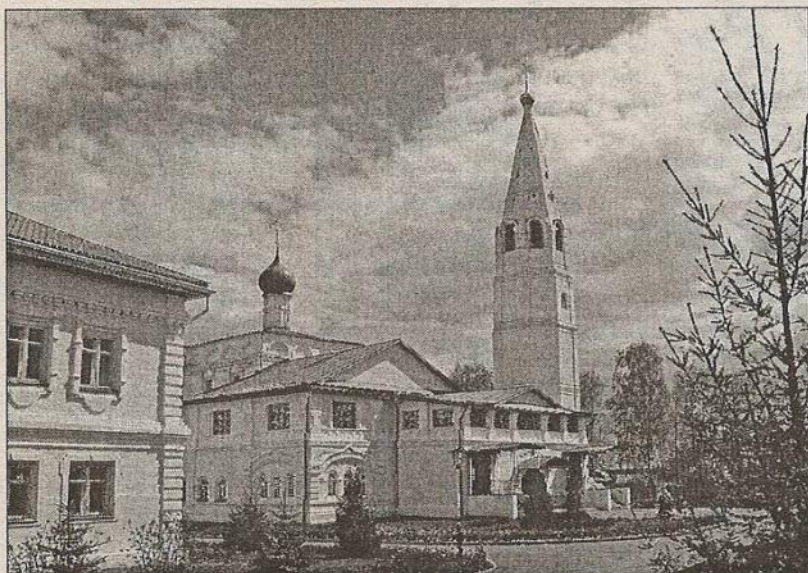

№ 4 (144)
Ноябрь 2008

Игуменья Варнава:

„МОНАСТЫРЬ — ЭТО СЛУЖЕНИЕ БОГУ”

МОНАСТЫРЬ — ЭТО СЛУЖЕНИЕ БОГУ

Множество обителей, поруганных и разрушенных в пору лихолетья, открылось в последнее время в России. Среди них и женский Мироносицкий монастырь, образованный 14 лет назад на месте Мироносицкой пустыни. Когда-то Пустынь эту в народе называли «святым местом». Освящено оно многими иноческими молитвами, но, в первую очередь, — явлением здесь в 1647 году чудотворного образа Божией Матери «Мироносицкая». И недаром же говорят — «свято место пусто не бывает». Десятилетия спустя после разорения обители вновь начали собираться здесь возлюбившие монашеское житие. Об иноческом призвании, монастырской жизни рассказывает настоятельница обители игумения Варнава.

— Матушка, скажите, что такое монастырь? Что здесь может найти для себя современный человек?

— Монастырь — это место служения Богу, то есть человек идет в монастырь служить Богу. Служа, он тем самым спасает свою душу. Другой цели нет. Нет причины пойти в монастырь, кроме как любовь к Богу. Если человек верит, любит Бога, он для Него сделает все. Тем более в монастыре.

— А как Вы попали в Мироносицкую обитель, ведь ваше монашеское служение началось в Толге?

— Лет 14–15 назад, когда я приехала из обители домой погостить, наш Владыка увидел меня на помазании и говорит: «Останься». Ну, я осталась. Я же митры шью, думала, он заказать хочет. А он мне: «Ты знаешь, что на тебя в Синод подано»? Я говорю: «Нет, не знаю». И заплакала. А он постукал меня жезлом по лбу: «Поплачь, поплачь и приезжай».

Указа тогда еще не было, указ о том, чтобы переместить меня сюда,

только в сентябре вышел. Но я, как об этом узнала, пошла к отцу Павлу Чазову — был у нас такой духовный батюшка, мы уже тогда были с ним знакомы. Все рассказала ему, а он и говорит: «Одно тебе скажу: покой тебе не полезен». И еще повторил: «Запомни: покой тебе не полезен». «Ну, — думаю, — точно меня возьмут, точно переведут, и от креста своего никуда не уйдешь». Молюсь теперь только, чтобы Господь помог нести этот крест. И вот он, мой непокой...

— Вы уже бывали здесь?

— Нет, нет.

— И даже не знали, куда Вас назначают?

— Нет, я знала... Знала, что здесь монастырь был. Меня, когда я в Семеновской церкви еще работала, звали съездить на праздник жен-мироносиц на источник. И вы знаете, тогда я отказалась сюда поехать. Почему — не знаю. Я знала, что Мироносицкий монастырь здесь был, но не слышала о явлении иконы Божией Матери. Если б знала, может быть и поехала бы, я ведь тогда уже в церкви работала, да вообще — мы

с детства при храме. Зато теперь Господь призвал служить тут.

— Помните свой первый день?

— Конечно же, помню. Первого ноября мы сюда приехали. Владыка привез нас. Ну, конечно, кругом — развалины одни. Но вот что было очень знаменательно. В храм был вход на второй этаж, такая лестница. Вначале Владыка, а потом мы залезли...

А в свою бытность, это еще в Толге было, когда меня только постригли в монашество, я отцу Павлу сообщила, что произошел постриг и как меня называли. Все батюшке описала: как мы стояли в храме три дня и три ночи. А он пишет мне ответ и называет меня «отче Варлаам». Я удивилась. Думаю: «ладно, имя перепутал, ну ведь не «отче» же я!» И пишу: «ну, батюшка, ну как же «отче»-то?!» А он в следующем письме называет меня «мати Варлаама». Думаю: «да что хоть такое!» А потом смóтрю, после дня пострига моего — это имя: «Варлаам». Варлаам Хутынский. Прочитала его житие. Он тоже жил в пятнадцати

километрах от своего родного города. Думаю: «ничего себе!»

И вот, когда сюда приехали с Владыкой, поднялись в собор на второй этаж, идем обратно и видим: единственная сохранившаяся роспись на стене — образ преподобного Варлаама Хутынского...

Просила я ее сохранить, когда храм восстанавливали, но вот не соизволили. Обидно очень. Вот такое предсказание. Четырнадцать лет уже живу в пятнадцати километрах от родного города. Как Варлаам Хутынский. Конечно, по делам-то... Он-то праведно жил, а я вот ругаюсь порой. То мне не ладно, это не по мне...

— Собор у вас все же прекрасный. Древние стены намоленного храма всегда чувствуются... Вы согласны?

— Согласна, конечно же. Тут столько монахов молилось за три с половиной столетия, столько молитв лилось! А сколько людей сюда приходило, сколько просьб излито, сколько слез пролито. А сколько благодати Божией! Это и по людям видно: кто привлекает в храм Божий и монастырь? Благодать! Господь изливает ее, и люди чувствуют, едут. Причем нижний храм меня как-то больше влечет, чем верхний. Тот — праздничный, а этот, будничный, — именно монашеский.

— Скажите, матушка, много сестер живет сегодня в обители? Как распределяется день?

— Всего пятнадцать человек в нашем монастыре. Подъем у нас в пять утра, в половине шестого все собираемся на полунощницу. Ежедневно служим акафист

Матери Божией. По праздникам, когда священник бывает, — Литургия. В восемь часов мы завтракаем. Затем уходим на послушания. В два — обед. Потом опять послушания. Если трудов в монастыре много, то один человек молится, вычитывает суточный круг богослужений, а остальные все трудятся. Если же у нас есть возможность пойти помолиться, то мы все идем.

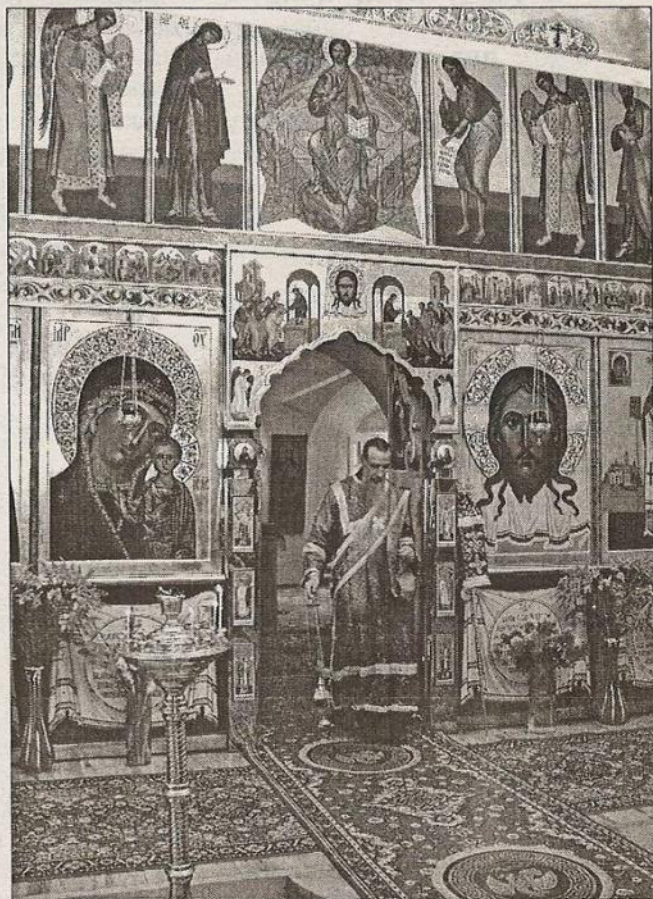
Обычно послушания распределяет благочинная. Но в нашем монастыре она очень старенькая, поэтому приходится все самой. Не только трудиться, но и послушания распределять. У кого-то есть свои послушания, постоянные, например, просфорня, певчие, кухня, коровник. А на огородах все работаем вместе. Когда вместе — горы сворачиваются. Я тоже не брезгую работой, везде иду — навоз, так навоз, земля так земля, полоть, так полоть — все вместе.

— Местные жители тянутся к монастырю?

— Тянутся, тянутся. Посетит Господь их скорбью или болезнью, кроме монастыря — куда им идти? Приходят, заказывают молебны, подают за умерших, если в армию идут — просят у нашего священника благословения, свечечки ставят. Знаете, у них даже сложился обычай: если, к примеру, монастырь начал сенокос, значит всем надо косить — Господь погоду даст. Словно равняются все по нам.

— Единая семья получается...

— Единая, да. Слава Богу! Бабушки ежовские к нам приходят. Говорим: «Вот такие труды у нас предстоят, если желаете, помогите». Картошки много у нас бывает. Приглашаем бедных. Они нам помогут, а мы им — картошки. Приходят, к примеру, бомжи, или те из Ежово, у которых вообще ничего нет. Мы им предлагаем поработать, потом накормим, продуктов с собой дадим.

Иногда помочь просят. Мы помогаем, в основном, стареньким. Если кто работает, они и денежки имеют: у нас тут фермер есть, он им пашет. А вот бабушки не могут. К примеру, с сеном. Где им привезти, где накосить? А нам сенокосные угодья Господь дал, 50 гектаров за Сенькиным. Техника есть. Мы косим, и я им предлагаю. Они, конечно, монастырю платят какую-то копеечку посильную. Бесплатно не хотят, желают положить денежку — именно не заплатить, а «положить денежку».

От своих трудов всегда даем милостыню. Бывает, у сестер родные в тяжелом положении, стараемся тоже им помочь, чтобы у сестер душа не болела о доме.

— **Матушка, Вы уже много лет настоятельницей, верно ли, что не просто так человек приходит в монастырь, что для этого необходимо призвание?**

— Да, обязательно призвание. Искорка, которая загорается. Такого человека в мире жизнь не удовлетворяет. Вот я работала десять лет в храме, казалось бы что еще надо? Все есть: храм, дом — спасайся да и живи. Но не удовлетворяло меня это: полдня — на службе, полдня — дома, делая свои дела. Хотелось чего-то большего, хотелось посвятить свою жизнь Богу. Поэтому я и пришла в монастырь. Пусть здесь труда много, но этот труд ради Бога и для Бога.

Раз я присутствовала на постриге в Троице-Сергиевой Лавре. Постригали монахов совершенно мне незнакомых, и был там архимандрит Иероним (Зиновьев †1982. — **Ред.**), наместник, ныне покойный. Он сказал тогда: тяжела, трудна монашеская жизнь, но есть в ней такие минуты радости, ради которых можно пожертвовать жизнью. И испытать их можно

только в монастыре, в этих трудах, скорбях, заботах, потому что именно за них и дает Господь благодать Свою — тем кто живет по-монашески, не ропща, все принимая как волю Божию.

— **Наверное, к Вам нередко обращаются желающие поступить в монастырь. Как Вы определяете — кто способен к монашеской жизни?**

— Людей, у которых призвание, сразу видно: они согласны на все невзгоды монастырской жизни. Девушкам, желающим в монастырь, мы, во-первых, конечно, предлагаем пожить, посмотреть, смогут ли они. Тут вот одна женщина была, так она говорила: «Я так в миру не работала». Но и мы не работали — в миру. А тут служим Богу. Ведь служить Богу — это же радость!

Вся природа служит Богу. Посмотрите, какая она красивая! Таким же и человек должен быть: служить Богу всей своей жизнью, принести плоды своей жизни Богу. И девушки, которые хотят идти в монастырь душой уже чувствуют эти труды, эти подвиги, желают их.

Конечно, в нашем монастыре очень много трудов. Да и в любом монастыре — я, вот, в Толге жила, — достаточно трудов. Но я от них не унываю, мне как-то в радость. Посадишь зернышко, вот оно растет, к осени принесет свой плод. Думаешь: «А я? Вот оно принесло плод, а я? Что в этом году я принесла Богу?» И вот так, смотря на природу, смотришь на себя. Растешь ли ты к Богу. Служишь ли ты ему, как должна.

Беседовала Людмила Протасова.

Епархиальные вести

Панихида на забытом кладбище

Перезахоронение останков жителей Царевококшайска прошло в Димитриевскую родительскую субботу за алтарем строящегося Воскресенского собора.

Древнее кладбище, на котором свой последний приют нашли многие жители старого Царевококшайска, было обнаружено при строительстве нового Воскресенского храма Йошкар-Олы.

Захоронения, возраст которых по разным оценкам доходит до трехсот лет, были давно забыты. То, что на месте разрушенного в

1961 году храма с тех пор не велось капитального строительства, позволило могилам сохраниться нетронутыми. Археологами были извлечены костные останки приблизительно 60 человек. Нашли и несколько нателных крестов — свидетельство того, что кладбище было православным. Заботу о предании земле останков взяла

на себя Йошкар-Олинская епархия. Прах царевококшайцев был помещен в гробы, после чего архиепископ Йошкар-Олинский и Марийский Иоанн совершил над ними панихиду. Захоронены останки в могиле за алтарем Воскресенского храма.

Дмитрий Смирнов.